

Анна Шилд
Ада Огнева

ГОРДОСТЬ ПОД ВЛАСТЬЮ
БОССА

18+

Ада Огнева
Анна Шилд
Гордость под властью босса

<https://litres.ru/74515477>

SelfPub; 2026

Аннотация

Снежана Белова привыкла рассчитывать только на себя — пока безрассудство младшей сестры не оборачивается кражей дорогой реликвии и угрозой тюрьмы. Закрывать дело способен Максим Радов, владелец холдинга, привыкший назначать цену чужой свободе. Его предложение простое: Снежана переезжает в пентхаус и отрабатывает долг лично. Он требует послушания, она отказывается склонять голову. Но за спасением сестры скрывается чужая игра, а упрямство Снежаны всё сильнее притягивает босса. Она ещё может защитить свою гордость. Только кто защитит её сердце, если Радов решит получить и его?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	54
Глава 7	63
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Анна Шилд

Гордость под властью босса

Гордость под властью босса

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

В подъезде пахло застарелой сыростью, подгоревшим луком и кошачьей мочой. Обычный вечер в спальном микрорайоне на окраине: серые панельные пятиэтажки жались друг к другу, а холодный сентябрьский ливень хлестал по стеклам лестничных пролетов.

Снежана поднялась на третий этаж, придерживая тяжелый крафтовый пакет с продуктами. В пакете лежали свежий хлеб, сыр, молоко и гроздь винограда: сегодня она позволила себе не считать копейки.

В кармане пальто лежал подписанный акт приема-передачи первого этапа дизайн-проекта загородного особняка на Новой Риге и плотный конверт с наличным авансом — ровно сто двадцать тысяч рублей. Въедливый ресторатор расписался не глядя, пораженный тем, как безошибочно Снежана нашла баланс между полированным сланцем и теплом дубовых балок.

«У вас редкое чутье, Снежана Игоревна, — сказал он на прощание, пожимая ее узкую ладонь. — Вы чувствуете объем так, будто сами живете в этом пространстве».

Она улыбнулась воспоминанию. Это были ее первые по-настоящему крупные деньги, заработанные без посредников.

Завтра же она откроет объявления об аренде отдельной маленькой студии с высокими потолками у метро «Сокол». Пора. Хватит ютиться в родительской «двушке» и слушать бесконечные упреки матери.

Снежана подошла к двери квартиры номер сорок два и замерла.

Обитая драным дерматином дверь была приоткрыта на два пальца. Из щели тянуло валокордином и камфорой. Снежана крепче прижала пакет: на ужин с первой удачной сделки опять можно было не рассчитывать. Этот запах Снежана знала с детства: так в их доме пахло перед каждой семейной катастрофой, виновницей которой неизменно становилась младшая сестра.

Толкнув створку, Снежана переступила порог.

— Полина? Мама?

В тесной прихожей горела одна тусклая сорокаваттная лампочка без плафона. Прямо у порога валялась мокрая куртка из дешевой экокожи, один лакированный ботильон стоял на боку, второй забился под хлипкую обувную полку.

А на полу, прямо на вздувшемся коричневом линолеуме, сидела Полина.

Двадцатилетняя сестра, которую мать холила как статуетку, сейчас напоминала сломанную куклу. По пухлым щекам черными бороздами текла тушь, а губы тряслись мелкой дрожью. Она вцепилась ногтями в колени и раскачивалась из стороны в сторону, издавая сильные звуки.

Из крошечной кухни, где на плите чадил забытый чайник, выбежала Ирина Васильевна. Ее застиранный халат был распахнут, на шее багровели пятна давления, а в мокрой ладони она сжимала флакон валокордина.

— Снежа! — заголосила мать, едва не выронив флакон на пол. Голос ее сорвался на визг: — Явилась! Где тебя черти носили?! У нас беда! Все кончено, Снежа, нас в могилу сведут! Полюночку в тюрьму сажают!

Снежана с глухим стуком опустила пакет на тумбочку. Теплое чувство победы, греющее грудь последние два часа, мгновенно испарилось, сменившись привычной, колючей тяжестью в затылке.

— Мама, выключи газ, — холодно приказала Снежана, стягивая перчатки. — И прекрати кричать на весь подъезд. Что случилось?

— Что случилось?! — мать всплеснула руками, осыпая приходящую каплями лекарства. — Твою сестру под суд отдают! Спецназ приедет, наручники наденут, увезут в изолятор! Она не выживет там! Это ты у нас кремень, а Полюночка хрупкая...

— Полина, — Снежана сделала два шага, присела на корточки перед сестрой и жестко перехватила ее ледяные запястья. — Посмотри на меня. Немедленно.

Полина вскинула красные, опухшие глаза. В них плескался животный ужас.

— Снежа... — всхлипнула она, давась воздухом. — Снеж-

ка... меня посадят... на десять лет...

— Перестань выть и говори факты. Ты сегодня должна была дежурить в приемной совета директоров «Radov Group». Я лично договаривалась с комендантом этажа, чтобы тебя взяли стажером. Что ты натворила?

Полина судорожно сглотнула. Ее нижняя челюсть заходила ходуном:

— Я... я не хотела... Снеж, клянусь, я ничего плохого не хотела! Неделию назад в клубе «Monolith» я познакомилась с парнем... Дэн. На черном «Порше», такой красивый, уверенный... Он сказал, что заберет меня после работы, повезет в «Сити», в ресторан... А потом... он приехал прямо в башню около полуночи. Привез шампанское, клубнику... Охрана внизу его пропустила, потому что я спустилась и отметила его по гостевому бейджу...

У Снежаны похолодели пальцы.

— Ты привела постороннего мужика в закрытую зону руководства девелоперского холдинга ночью? Ты в своем уме, Полина?! Там же служба безопасности на каждом метре!

— Мы просто сидели в переговорной! — взвизгнула сестра, закрываясь ладонями. — Мы пили шампанское! А потом... потом он попросил показать кабинет самого Радова. Сказал, что мечтает пожать ему руку, что хочет посмотреть, как живут настоящие хозяева Москвы. Я... я приложила свой мастер-ключ к двери кабинета...

— Господи, — прошептала Снежана, закрывая глаза на

секунду. — Дальше.

— Дэн зашел... Он подошел к рабочему столу Радова... достал какую-то черную коробочку с проводами и воткнул в системный блок! Я закричала, спросила, что он делает, а он... он оттолкнул меня так, что я упала на ковер! В этот момент на стене загорелась красная лампа и тихо защелкал зуммер тревоги. Дэн запаниковал, дернул флешку... развернулся бежать к пожарному выходу и задел локтем каменную колонну у окна!

Полина забилась в новой истерике, хватая ртом воздух:

— Там стояли старинные часы из бронзы и зеленого камня... Они упали на мраморный пол, Снежа! Стекло в пыль, циферблат раскололся! Дэн перепрыгнул через них и сбежал по лестнице вниз! А меня заперли в комнате допросов на сорок четвертом этаже и держали до вечера!

Снежана медленно поднялась. В висках стучала тяжелая кровь.

— Кто этот Дэн? Его фамилия? Телефон?

— Я... я не знаю! — зарыдала Полина, размазывая тушь по воротнику блузки. — Номер недоступен! Страница в соц-сетях удалена! Его нет, понимаешь?! Нет!

Ирина Васильевна подскочила к Снежане и сунула ей прямо под нос плотный лист бумаги с тисненой золотой эмблемой холдинга — оскаленной головой сокола над литерой «R»:

— Вот! Читай! Полчаса назад курьер привез под роспись!

Читай, что они с нас требуют!

Снежана вырвала документ из пальцев матери. Глаза пробежали по сухим строкам юридического текста:

«Досудебная претензия по факту причинения материального ущерба и несанкционированного доступа к служебной тайне. В ходе инцидента 20 сентября 2026 года гражданкой Беловой П.И. совершены действия, повлекшие уничтожение уникального объекта антиквариата — морского хронометра Patek Philippe 1892 года выпуска (инвентарный номер RG-0019), оценочной стоимостью 15 000 000 (пятнадцать миллионов) рублей. Одновременно зафиксирован факт компрометации цифровых шлюзов проекта „Северная Ривьера“. Материалы подготовлены для передачи в Главное следственное управление МВД по статьям 158 ч. 4, 159 ч. 4, 183 ч. 3 УК РФ...»

— Пятнадцать миллионов, — беззвучно прошептала Снежана. Горло перехватило спазмом. — Пятнадцать миллионов рублей за разбитые часы. И уголовная статья до восьми лет лишения свободы.

— Нас убьют! — Полина рухнула лицом в линолеум, колотя кулачками по полу. — Радов — чудовище! Начальник его охраны, этот амбал со шрамом, сказал, что если завтра к десяти утра не будет денег или признания вины в сговоре с конкурентами, меня сгноят в колонии! Снежа, я не пойду на зону! Я вскрыю себе вены в ванне прямо сейчас!

— Замолчи! — оборвала ее Снежана так хлестко, что эхо

ударило по стенам. В ее серо-голубых глазах зажглось холодное, яростное северное сияние. — Никто себе ничего не вскроет. Мы берем твой паспорт, берем этот лист, вызываем такси и едем в районное управление полиции.

Полина замерла, в ужасе уставившись на сестру:

— Куда?!

— В полицию! Ты напишешь явку с повинной и подробное заявление на этого Дэна! Опишешь внешность, марку машины, клуб, где вы познакомились! Ты дура, Полина, набитая дура, но ты не воровка! Тебя использовали профессиональные взломщики! Следователи запросят камеры ночного клуба, пробьют биллинг его телефона...

— Нет! Нет, нет, нет! — завизжала мать.

Ирина Васильевна с глухим стуком упала перед Снежаной на колени. Ее пальцы, узловатые и липкие от пота, намертво вцепились в подол юбки старшей дочери:

— Не пущу! В какую полицию, ты с ума сошла?! Ее там сразу в камеру закроют! Ты знаешь, кто такой Радов?! Он скупил половину министерства, он одним щелчком пальцев любую судьбу ломает! Если Полина туда сунется — ее сделают крайней и посадят на максимальный срок! Менты не будут искать никакого Дэна, им Радов голову оторвет, если они дело не закроют!

— Мама, встань с пола, — Снежана попыталась сделать шаг назад, но мать держала ее мертвой хваткой.

— Не встану! Не встану, пока ты не поклянешься, что спа-

сешь сестру! Снежаночка, доченька... Ты же у нас умная! Ты сильная, гордая, у тебя язык подвешен, ты с богатыми заказчиками на равных говоришь! Ты умеешь держать удар! Поезжай в башню к Радову сама!

Снежана задохнулась от накатившей горечи:

— Я?! Что я ему скажу?! «Простите мою сестру, господин миллиардер, она разбила вашу реликвию за пятнадцать миллионов, но мы отдадим через двести лет»?!

— Умоли его! — рыдала мать, глядя снизу вверх выцветшими глазами. — Упади перед ним на колени! Ты молодая, красивая, скажи, что Полина глупая малолетка, что мы все возместим... Ты продашь свои проекты, возьмешь кредиты, продадим бабушкину дачу... Снежана, ты старшая! Ты должна защитить семью! Если Полину посадят... я прямо сейчас пойду на балкон и выброшусь вниз! Клянусь тебе памятью отца, я шагну через перила!

Тишина, повисшая в квартире, была тяжелее могильной плиты.

Снежана смотрела на мать. Смотрела на ее искаженное лицо, на сестру, забившуюся в угол между вешалкой и стеной и трусливо прячущую взгляд.

Знакомый сценарий. Тот самый, в котором Снежана прожила двадцать три года. Когда в детстве Полина разбивала посуду — виновата была Снежана. Когда Полине требовались деньги — Снежана отказывалась от зимней куртки: «Снежана сильная, а Полиночка маленькая».

Теперь эта «маленькая» повесила на ее шею пятнадцать миллионов чужих денег и взлом серверов девелоперского гиганта. А платить должна Снежана. Собственной жизнью. Собственной гордостью.

В горле стоял ком горечи. Хотелось развернуться, спуститься под дождь и уехать на край света.

Но перед глазами стояли распахнутые створки балкона. Мать была способна на истерический порыв. Она сделает это назло, чтобы навеки придавить старшую дочь виной.

Снежана медленно наклонилась. Ее пальцы разжали хватку матери на юбке. Движения были четкими, механическими:

— Встаньте, мама. Хватит валяться в грязи.

Она помогла матери подняться и усадила ее на табурет. Затем перевела взгляд на Полину:

— Отдай мне твой служебный пропуск и расписку.

Полина торопливо протянула пластиковую карту и второй экземпляр претензии.

— Снеж... ты правда поедешь? — пискнула она с робкой надеждой.

— Заткнись, Полина, — тихо произнесла Снежана. — Если я узнаю, что ты сейчас соврала мне хотя бы в одном слове... я лично передам тебя охране Радова.

Глава 2

Снежана развернулась и прошла в свою комнату. Закрывает дверь на щеколду.

Несколько секунд она стояла в темноте, прижавшись лбом к холодному стеклу. В груди клокотала чистая, ледяная ярость. Никаких слез. Плакать перед хищниками — верная смерть.

Она зажгла лампу. Сняла мокрое пальто и свитер. Открыла шкаф.

Никаких рваных джинсов. Если ей суждено шагнуть в логово зверя, она войдет туда королевой, а не просительницей.

Снежана надела свое лучшее темно-синее платье-футляр из тонкой шерсти. Глухой воротник-стойка, длинные узкие рукава, идеальная посадка по фигуре, подчеркивающая тонкую талию и крутые бедра.

Быстрыми пальцами собрала густые пепельно-русые волны волос на затылке в тугий строгий узел, заколов двумя косяными шпильками. Шея открылась — длинная, точеная, бледная.

Штрих помады оттенка дикой розы. Глаза в зеркале казались чужими — цвета арктического льда перед расколом.

В сумочку легли: паспорт, свидетельство ИП, портфолио ее реализованных проектов, выписка со счета и претензия

на пятнадцать миллионов.

Снежана выключила свет. Вышла в прихожую, не удостоив взглядом ни рыдающую мать, ни притихшую сестру.

Щелкнул замок. Снежана шагнула в ледяной ливень. До закрытия официального доступа в башню оставалось сорок минут.

* * *

Башня «Radov Tower» вонзалась в свинцовое небо семидесятиэтажным обелиском из тонированного стекла и титана. Ее грани пульсировали холодным неоновым светом, отражаясь в лужах набережной. Ветер дул с реки, бросая в лицо колючую водяную взвесь.

Снежана расплатилась с таксистом и вышла под хлещущие струи. Подол пальто мгновенно облепило ноги, но она не замедлила шаг. Высоко поднятый подбородок, безупречная осанка, в которой читалась выучка прежних балетных классов. В ее жилах звенел ледяной адреналин, обостряя слух и зрение до предела.

Массивные револьверные двери бесшумно втянули ее из сырого уличного ада в царство стерильного богатства.

Центральный холл башни подавлял масштабом. Потолки высотой в четыре этажа, колонны из черного лабрадорита с искрами полевого шпата, бесшумные лифты и зеркальный мраморный пол. Воздух пах озоном, дорогим воском и абсолютной властью, которая измеряется сотнями миллиардов.

У турникетов из пуленепробиваемого стекла Снежану

встретили двое сотрудников службы безопасности в черных строгих костюмах с золотыми соколиными эмблемами холдинга на петлицах.

— Гражданка, башня закрыта для свободного посещения, — отрезал дежурный офицер, перегораживая проход мощным корпусом. На его форменном поясе висела кобура с табельным пистолетом «Глок». — Предъявите пропуск.

Снежана не отвела взгляда. Достала из сумочки и положила на холодную мраморную стойку контрольно-пропускного пункта электронную карту Полины и плотный лист претензии.

— Я Снежана Белова, полномочный представитель Полины Беловой по претензии номер сорок четыре. Я прибыла к генеральному директору холдинга господину Радову.

Офицер смерил ее сканирующим взглядом, взял карту и приложил к магнитному считывателю. На мониторе терминала вспыхнула багровая рамка аварийной блокировки.

— Карта аннулирована распоряжением начальника службы безопасности. Посетителей к Радову сегодня нет и не будет. Покиньте здание, иначе мы применим силовые меры.

— Перед тем как применять силу, свяжитесь по рации с вашим начальником Глебом Грозовым, — Снежана развернула претензию подписью к охраннику и удержала лист на стойке, когда тот попытался сдвинуть его обратно. — Передайте ему дословно: представитель Беловой прибыл для урегулирования материального ущерба по разбитому хрономет-

ру Patek Philippe. Если через минуту турникет не откроется, мы едем в Главное следственное управление с заявлением о вымогателстве и незаконном удержании соотрудницы.

Офицер поперхнулся воздухом. Его напарник нервно коснулся пальцем гарнитуры скрытой связи.

Упоминание хронометра и ледяной, стальной тон незнакомки сработали безотказно. Дежурный торопливо заговорил в микрофон на лацкане пиджака, выслушал короткий ответ, нахмурился и достал из сейфа гостевой мастер-чип:

— Сорок пятый этаж. Лифт номер три. Прямо по коридору до приемной руководства. Никуда не сворачивать. Камеры с распознаванием лиц отслеживают каждый шаг.

Турникет тихо щелкнул, распахивая стеклянные створки.

Снежана шагнула в панорамную кабину лифта. Скоростной подъемник сорвался с места почти беззвучно. Огни ночной Москвы стремительно провалились вниз мерцающей паутиной, закладывая уши от резкого перепада давления. Двадцать секунд головокружительного полета — и кабина плавно замерла на сорок пятом этаже.

Двери разъехались.

Перед Снежаной открылась приемная совета директоров «Radov Group»: стены из полупрозрачного подсвеченного оникса теплого медового оттенка, широкая стойка ресепшн из монолитного куска белого кварцита и глубокая, стерильная тишина.

За стойкой сидела старший секретарь — холеная брю-

нетка с безупречным каре, точеными скулами и надменным взглядом. На платиновом бейдже сияла гравировка: *Каролина Романова, руководитель протокола*. Ее пальцы с алыми ногтями замерли над клавиатурой.

Услышав стук каблучков Снежаны, секретарь медленно подняла голову. В ее безупречно накрашенных глазах мелькнуло брезгливое удивление:

— Вы кто? Каким образом вы поднялись на этаж руководства без согласования?

— Добрый вечер, — Снежана подошла к стойке, глядя на нее сверху вниз. — Я Снежана Белова. По вопросу Полины Беловой. Доложите Максиму Андреевичу.

Лицо Каролины мгновенно окаменело, а губы скривились в саркастической усмешке:

— Ах, сестричка нашей дешевой воровки? Явилась вымаливать прощение и ползать на коленях? Можешь разворачиваться обратно к лифту, милочка. Максим Андреевич презирует крыс. И нищих просительниц не принимает в принципе. Завтра твоей сестрице оформят путевку в женский изолятор, а приставы вытрясут из вас последние гроши до копейки. Охрана!

Каролина с силой ударила наманикюренным пальцем по кнопке интеркома:

— Дежурный, в приемной посторонняя. Уберите ее немедленно.

Из боковой скрытой двери вышли двое двухметровых без-

опасников в черном.

Каролина уже снова смотрела в монитор, словно Снежану вынесли. Эта чужая уверенность обожгла сильнее оскорбления. Снежана увидела дверь за стойкой и выбрала, куда шагнуть. Они решили, что раз у них миллиарды, то остальные — грязь под их подошвами?

Охранник шагнул вперед и протянул руку к ее плечу, собираясь грубо скрутить и развернуть к лифту.

Снежана среагировала мгновенно. Сделала резкий шаг в сторону, уходя из-под захвата, обогнула кварцевую стойку и стремительным, летящим шагом направилась к массивным двустворчатым дверям кабинета из мореного дуба.

— Стой, дура! — взвизгнула Каролина, вскакивая на ноги и роняя органайзер. — Туда нельзя!

Снежана не стала стучать. Она схватилась обеими руками за литые бронзовые ручки в форме соколиных лап, нажала на них всем весом тела и толкнула тяжелые створки вперед.

Двойной магнитный замок щелкнул, двери разошлись с мягким шелестом.

Снежана переступила порог и звонко бросила в полутьму огромного кабинета:

— Господин Радов! Ваш секретарь совершенно не обучен деловому этикету и не умеет цивилизованно докладывать о визитах по финансовым претензиям!

За ее спиной застыли охранники и Каролина, побелевшая до кончиков ушей. Они замерли на пороге, словно перед ни-

ми разверзлась пропасть, не смея ступить на закрытую территорию хозяина холдинга.

А Снежана замерла сама.

Кабинет Максима Радова дышал хищной роскошью. Про странство поражало размахом: черное эбеновое дерево с латунными прожилками, открытые стеллажи с фолиантами в темной коже, камин из базальта со шкурой полярного волка и пятиметровый стол из спила африканского дуба.

Но главным была стена из сплошного панорамного остекления. За бронированным стеклом на сотни метров вниз кипела и переливалась огнями ночная Москва. Дождевые капли стеклянными змейками ползли по стеклу снаружи.

И прямо у этого стекла спиной к двери стоял он.

Мужчина.

Он был невероятно высок — под метр девяносто — с мощным, литым разворотом плеч бойца-тяжеловеса. Темно-серая жилетка из итальянской камвольной шерсти безупречно облегла мускулистый торс, подчеркивая узкую талию. Рукава белоснежной рубашки были небрежно закатаны до локтей, открывая рельефные предплечья с темными волосками и отчетливо проступающими вздувшимися венами. В правой руке он держал тяжелый граненый стакан Vassarat, на дне которого мерно покачивался темно-янтарный виски Macallan с крупным прозрачным кубом льда.

В воздухе кабинета стоял густой, дурманящий аромат: запах элитных сигар Cohiba, горького кардамона, темного шо-

колада и дорогой кожи Poltrona Frau. А еще — запах чистой, концентрированной маскулинной силы, от которого у Снежаны перехватило дыхание, а по позвоночнику пробежала колючая дрожь.

Мужчина допил глоток, пока за спиной Снежаны захлебывались возмущенные голоса. Лишь когда Каролина назвала его по имени, он повернулся через плечо. Снежана вдруг поняла: всю эту суматоху он заставил ждать окончания своего глотка.

Снежана невольно сжала кулаки, пряча внезапный телесный трепет.

Максим Андреевич Радов оказался убийственно красивой породистой, безжалостной мужской красотой, от которой у женщин темнеет в глазах. Рубленые черты лица, тяжелая квадратная челюсть с темной трехдневной щетиной, хищный римский нос с горбинкой и четко очерченные, чувственные губы, искривленные сейчас в жесткой полуулыбке.

А глаза... Глаза цвета штормового гранита со стальными искрами полоснули по Снежане таким тяжелым, рентгеновским взглядом, что воздух между ними словно наэлектризовался.

Он ожидал увидеть кого угодно: заплаканную секретаршу Полину, нищую мать с причитаниями, заикающегося адвоката. Но перед ним стояла королева.

Гордая, прямая осанка. Темно-синее шерстяное платье сидело идеально, очерчивая высокую упругую грудь, тонкую

талию и крутые женственные бедра. Пепельно-русые волосы в строгом узле открывали длинную точеную шею, а серо-голубые глаза смотрели в упор — дерзко, бесстрашно, вызывающе.

Лед в бокале Радова тихо звякнул о хрустальную грань.

Взгляд миллиардера медленно скользнул по ее фигуре сверху вниз, задержался на изгибе бедер и снова поднялся к лицу. В глубине его стальных зрачков вспыхнул темный, первобытный огонек.

— Максим Андреевич, простите ради бога! — пролепетала с порога побелевшая Каролина. — Она ворвалась силой! Охрана сейчас же уберет ее...

В дверном проеме появился начальник службы безопасности Глеб Громов — мощный, квадратный офицер со шрамом на выбритом виске, положив ладонь на рукоять оружия:

— Максим Андреевич?

Радов даже не взглянул на охрану. Его серые глаза продолжали жечь Снежану, заставляя кровь в ее венах ускорять свой бег:

— У тебя ровно тридцать секунд, дерзкая птичка, — произнес он.

Его голос оказался низким, глубоким баритоном с вибрирующей гравийной хрипотцой. Этот тембр ощущался не слухом — он отзывался прямо внизу ее живота, заставляя тело сладко и тревожно неметь:

— Тридцать секунд, чтобы объяснить, почему начальник

охраны Громов не должен спустить тебя с лестницы прямо сейчас.

Снежана расправила плечи, встретив его взгляд с ледяным спокойствием:

— Потому что тогда вы никогда не узнаете, как закрыть вопрос по разбитому хронометру без уголовных скандалов и судебных издержек, господин Радов.

Усмешка на губах титана стала шире и опаснее. Он небрежно повел подбородком в сторону коридора:

— Вон, Глеб. Закрой двери с той стороны. До моего звонка никого не впускать.

Глеб молча кивнул и шагнул назад. Каролина торопливо захлопнула рот.

Тяжелые дубовые створки сомкнулись с глухим щелчком электронного замка. Снежана осталась один на один со зверем в его логове.

Глава 3

Тишина, наступившая после щелчка электронного замка, была плотной, осязаемой и тяжелой, как свинец. Снежана чувствовала ее физически — кожей, кончиками пальцев, натянутыми до предела нервами.

Максим Радов отошел от окна к темному эбеновому столу, привалился бедром к полированной кромке и не сводил с нее тяжелого, раздевающего взгляда. Янтарный виски на дне его бокала отбрасывал золотистые блики на белизну манжеты.

— Ты смелая, Белова, — негромко произнес он. Бархатный низкий голос прокатился под высокими сводами кабинета, задев что-то первобытное и тревожное в глубине ее существа. — Вломиться ко мне без стука, построить охрану на этаже... Твоя сестренка сегодня скулила куда тише. И выглядела куда жальче.

Снежана сделала глубокий, размеренный вдох. Вдох — на счет четыре, выдох — на счет четыре. Никакой дрожи в коленях. Никакой слабости.

Она подошла к столу, отсчитывая шаги, чтобы удержать заданный дыханием ритм. Каблуки туфель глухо стукнули по паркету и утонули в густом серебристом мехе шкуры по-

лярного волка, распластанной перед столом.

Остановившись в метре от миллиардера, Снежана открыла сумочку. Ее пальцы были холодными, но точными. На гладкое, темное дерево легли: паспорт гражданки РФ, свидетельство индивидуального предпринимателя и папка с реализованными дизайн-проектами.

— Я здесь не для того, чтобы скулить, господин Радов. И не для того, чтобы вызывать жалость. Я предлагаю конструктивное досудебное урегулирование. Моя сестра совершила грубую служебную халатность, но ее использовали вслепую. Хронометр Patek Philippe 1892 года оценен вашей службой безопасности в пятнадцать миллионов рублей. Я готова взять это долговое обязательство на себя.

Радов приподнял густую темную бровь. В его стальных глазах мелькнула откровенная насмешка:

— Ты? Взять на себя пятнадцать миллионов? Девочка, ты хоть понимаешь, сколько нулей в этой сумме? В твоих панельных трущобах на эти деньги можно выкупить целый подъезд. Откуда у тебя такие средства?

Снежана придвинула папку чуть ближе:

— Я дизайнер жилых пространств. В бюро я участвовала в проектах для международных конкурсов в Милане и Франкфурте. Сметная стоимость полного проекта резиденции у нас доходила до трех с половиной миллионов рублей. Моих личных заказов пока меньше, но вот работы, за которые отвечала я. Я предлагаю заключить контракт с «Radov Group»:

я выполню для ваших жилых комплексов объем проектных работ на пятнадцать миллионов рублей безвозмездно. Сроки и зачет стоимости каждого этапа пропишем в договоре. Первые сто двадцать тысяч рублей в качестве обеспечения я переведу на счет компании прямо сейчас.

Она замолчала. Сердце колотилось тяжело, но взгляд оставался прямым и стальным. Это был взрослый, профессиональный выход из тупика.

Максим посмотрел на нее долгим, немигающим взглядом. Затем медленно поднес бокал к губам, сделал глоток и... тихо, утробно рассмеялся.

Смех был низким, раскатистым и абсолютно беспощадным.

— Милан? Франкфурт? Чертежи? — Радов покачал головой, отставив бокал на стол с сухим стуком. — Белова, ты очаровательна в своей наивности. Ты действительно думаешь, что девелоперскому гиганту с активами в двести миллиардов нужны твои эскизы? У меня работают лучшие архитектурные бюро Лондона и Токио. Твои пятнадцать миллионов для меня — стоимость заправки самолета на один рейс в Эмираты.

Кровь прилила к щекам Снежаны от жгучей обиды, но она удержала подбородок:

— Если деньги для вас ничто, тем более нет смысла ломать жизнь молодой девушке уголовным сроком!

— Деньги — ничто, — Максим мгновенно перестал улы-

баться. Его лицо словно высекли из камня, челюсти сжались так, что на скулах вздулись желваки. — А вот предательство и удар в спину — это все.

Он взял со стола плоский пульт и нажал сенсорную клавишу.

Огромная стодюймовая настенная панель на стене бесшумно зажглась.

— Смотри внимательно, защитница. Любуйся на свою невинную сестру.

На экране в безупречном разрешении 4K пошла ночная запись с камер видеонаблюдения. Таймкод: 00:24.

Снежана затаила дыхание.

Коридор сорок пятого этажа. Полина в мини-юбке идет под руку с широкоплечим парнем в бейсболке. Они смеются. Парень обнимает ее за талию, целует прямо под камерой, Полина запрокидывает голову, пьяно хихикая. Затем Полина лично достает свой мастер-ключ, прикладывает к сканеру кабинета Радова и вводит код отключения ночной сигнализации. Дверь открывается.

Камера внутри кабинета. Парень подходит к рабочему столу, достает портативный хакерский дешифратор и втыкает в системную шину. Полина обвиняет руками его шею, пока на терминале бегут зеленые строки загрузки данных.

А затем вспыхивает индикатор тихой тревоги. Парень вырывает шнур. Полина хватается за рукав: «Дэн, подожди!». Парень со всего размаха отталкивает ее локтем — Полина

падает на ковер, ударившись о край дивана. Убегая к пожарному выходу, вор сшибает постамент. Старинный хронометр с грохотом летит на мрамор, раскалываясь на сотни бронзовых и стеклянных осколков. Вор перепрыгивает через обломки и исчезает на лестнице.

Экран погас. В кабинете снова воцарился полумрак.

Снежана стояла не шевелясь. Внутри все осыпалось ледяной крупой. Полина умолчала о коде сигнализации. И о том, как обнимала Дэна у работающего терминала. Снежана всматривалась в погасший экран: где же ее крик, где попытка остановить его?

— Узнаешь почерк? — голос Радова звучал прямо над ее головой, холодный, как лезвие бритвы. — Парень — штатный наводчик Артура Воронова, моего главного конкурента. На флешку ушли расчетные сметы и схемы финансирования государственного тендера «Северная Ривьера» на шестьдесят миллиардов рублей. Хронометр девятнадцатого века — фамильная память моего рода, которую твоя сестра растоптала ногами. А кража данных — статьи сто восемьдесят третья и сто пятьдесят девятая УК РФ. До восьми лет лишения свободы. Следователь ждет моего звонка. Завтра утром Полину арестуют.

Снежана с трудом сглотнула вязкую слюну:

— Полина глупа. Бесконечно глупа. Но ее использовали. Если вы посадите ее — накажете пешку, а заказчик останется на свободе.

— Заказчиком я займусь сам. А пешка сядет по закону.

Максим сделал шаг, обходя ее по кругу. Медленно. Бесшумно, словно волк вокруг загнанной добычи.

Снежана не оборачивалась, но чувствовала волну исходящего от него жара. Запах виски, кардамона, табака и мускуса кружил голову.

Шаги затихли прямо за ее спиной.

Тепло его мускулистого тела коснулось ее лопаток. Максим наклонился. Горячее дыхание обожгло чувствительную кожу на ее шее прямо под пепельным локоном:

— Твои чертежи мне не нужны, Белова. Твои копейки — тоже. Но ты... Ты мне нравишься.

Снежана замерла, боясь сделать вдох.

Его тяжелая, обжигающе горячая ладонь легла ей на плечо. Пальцы — сильные, властные — скользнули вверх, сминая тонкую шерсть платья, коснулись обнаженной шеи и медленно огладили линию челюсти, заставляя Снежану запрокинуть голову.

— Несгибаемая. Гордая. Злая, — шептал он прямо в висок с хрипотцой, от которой подкашивались колени. — Мне как раз нужен новый личный помощник. С круглосуточным проживанием. Будешь варить мне утренний кофе, сопровождать на закрытых приемах, выполнять любые распоряжения... И радовать мой глаз двадцать четыре часа в сутки.

Пальцы Радова с легким нажимом прошли по ее ключице:

— согласишься — папка на Полину сторит в этом камине. Откажешься — завтра в девять утра твоя сестра поедет в автозаке в СИЗО. Выбирай.

Воздух в легких Снежаны превратился в жидкий огонь.

Личный помощник? С проживанием?! Радовать его глаз?!

Он покупал ее. Грязно, цинично, пользуясь бедой ее семьи! Решил сделать из нее домашнюю наложницу для сброса напряжения!

Ярость взорвалась в мозгу, выжигая страх и рассудок.

Снежана резко дернула плечом, сбрасывая его руку. Развернулась на каблуках с грацией разъяренной пантеры.

И прежде чем Максим успел среагировать, ее ладонь взлетела в воздух.

ХЛЁСТКИЙ, ЗВОНКИЙ УДАР!

Звук пощечины разнесся по кабинету, как пистолетный выстрел. Ладонь Снежаны со всей накопленной ненавистью и болью врезалась в холеную правую скулу Радова.

Голова миллиардера резко мотнулась в сторону.

В кабинете повисла мертвая, парализующая тишина.

Снежана тяжело дышала, грудь вздымалась под платьем, пальцы горели от удара. В ее серо-голубых глазах полыхал чистый, негасимый огонь:

— Я не продаюсь, господин Радов. Ищите себе шлюх в клубах!

Максим медленно, невероятно плавно повернул голову обратно. На его скуле наливался багровый, четкий след ее

ладони.

Но в стальных глазах не было слепой ярости. В них вспыхнуло дикое, голодное мужское пламя. Его губы растянулись в хищной усмешке:

— Ты только что продала себя сама, птичка.

Его рука метнулась вперед. Пальцы сомкнулись на обеих ее запястьях, заламывая их за спину. Одним мощным рывком он впечатал ее податливое тело в свои каменные мускулы.

Снежана охнула от сокрушительного жара. Его лицо нависло над ней в миллиметре:

— За эту пощечину ты ответишь сполна. Ты будешь жить под моей крышей. Ты будешь спать в соседней комнате. Ты будешь дышать с моего разрешения.

— Пусти... зверь... — прохрипела она, пытаясь вырваться.

— Ты отработаешь этот долг лично, — прошептал он прямо в ее губы, обжигая их дыханием. — До последней копейки. А теперь пошли. Твой новый мир начинается прямо сейчас.

Глава 4

Радов не разжал стальной хватки на ее запястьях даже тогда, когда повернул к скрытой зеркальной панели в стене кабинета.

Прикосновение его пальца к биометрическому датчику заставило стекло бесшумно отъехать в сторону, открывая кабину приватного скоростного лифта. Внутри горел приглушенный янтарный свет, пол был застелен черным ковролином с коротким ворсом, а стены отделаны матовым титаном.

— Шагай, — глухо бросил Максим, подталкивая ее вперед.

Снежана уперлась каблуками в металлический порог, разворачиваясь к нему лицом. Ее дыхание сбивалось, а в глазах стояли злые, колющие искры:

— Отпустите меня! Вы не имеете права силой удерживать меня в здании! Я должна поехать домой, предупредить мать, взять сменную одежду и ноутбук с рабочими файлами!

Радов шагнул в кабину следом, оттесняя ее к дальней стене лифта мощным корпусом. Его плечи полностью заслонили выход. Он нажал нижнюю сенсорную клавишу с маркировкой «-3».

Зеркальные створки сомкнулись. Скоростная кабина сорвалась вниз с пугающей плавностью, вызывая мгновенный приступ тошноты и звон в ушах.

— Твоей матери уже позвонили, — произнес Максим, глядя на нее сверху вниз с высоты своего исполинского роста. На его правой скуле отчетливо темнел след ее ладони — пять багровых полос на смуглой коже. — Люди Глеба отправили ей гарантийное письмо о заморозке финансовых претензий. Полина обязалась оставаться в городе до выяснения обстоятельств. Твоя семья в полной безопасности. Ровно до тех пор, пока ты находишься у меня на глазах.

— Это произвол! — бросила Снежана, вжимаясь лопатками в холодную титановую панель. — Вы шантажист и тиран! Вы думаете, что можете купить любого человека в этом городе?!

— Я не покупаю людей, Белова, — его губы тронула холодная насмешка. — Я беру то, что принадлежит мне по праву компенсации. Ты сама предложила возместить долг. Я лишь выбрал форму оплаты.

Лифт мягко затормозил. Двери разъехались, выпуская их в гулкое, полутемное пространство подземного паркинга минус третьего уровня.

Здесь было сыро и пахло влажным асфальтом, бензином и холодным бетоном. Под сводами паркинга горели редкие лампы дневного света. Вокруг не было ни души — только охраняемый закрытый бокс владельца холдинга.

Посреди площадки с работающим на холостых оборотах двигателем стоял длинный, бронированный представительский седан Mercedes-Maybach S680 угольно-черного цвета.

Рядом замерли два черных тонированных внедорожника сопровождения.

При появлении Радова водитель в черной фуражке и строгом пальто мгновенно распахнул тяжелую заднюю дверь лимузина.

Снежана сделала отчаянную попытку дернуться влево, намереваясь проскочить мимо капота к пандусу выезда. Ее пальцы соскользнули с мокрого крыла машины.

Максим перехватил ее за талию одной рукой, оторвав от земли так легко, будто она весила не больше пушинки.

— Даже не думай, птичка, — хрипло выдохнул он ей в макушку.

Одним плавным, неотвратимым движением он опустил ее на задний диван лимузина, забрался внутрь следом и с силой потянул дверь на себя.

ГЛУХОЙ, ТЯЖЕЛЫЙ УДАР.

Бронированный замок сработал со звуком закрывающегося банковского хранилища. Все звуки внешнего мира — гул вентиляции, шум моторов машин сопровождения, капли конденсата — мгновенно исчезли. Салон накрыла вакуумная, почти звенящая тишина.

Снежана метнулась к противоположной двери, схватилась за хромированную ручку и с силой потянула ее вверх.

Ничего. Ручка была намертво заблокирована электронной системой безопасности.

— Это похищение человека! — задыхаясь от ярости,

крикнула она, обращившись к сидящему рядом мужчине. — Статья сто двадцать шестая Уголовного кодекса! Лишение свободы до двенадцати лет!

Радов с невозмутимым видом снял шерстяную жилетку, бросил ее на соседнее сиденье и расстегнул верхние пуговицы рубашки. Белоснежная ткань обнажила мощную шею и ключицы с темными завитками волос.

— Успокойся, Белова, — он посмотрел на заблокированную ручку, которую она продолжала дергать. — Твоя мать только что подписала письмо: просит дать тебе работу личным референтом с проживанием. Подписи взрослой дочери оно, конечно, не заменяет. Зато твоя семья будет рассказывать именно о работе, а не о похищении. Она была счастлива, Снежана. Можешь позвонить ей завтра и убедиться лично.

Снежану словно ошпарило кипятком. Мать подписала это письмо?! Продала ее, не раздумывая ни секунды, лишь бы прикрыть задницу Полины?!

В груди поднялась такая волна отвращения и бессильного гнева, что у нее потемнело в глазах.

Тем временем Maybach плавно тронулся с места, выкатываясь на спиральный пандус. В полумраке салона включилась мягкая синяя контурная подсветка, очерчивая перфорированную бежевую кожу Нарра и глянцевые панели из орехового корня.

Максим нажал кнопку на консоли между сиденьями. Бесшумно выехал охлаждаемый бар. Он достал хрустальную бу-

тылку ледяной минеральной воды San Pellegrino, наполнил тяжелый граненый стакан и протянул его Снежане:

— Выпей. У тебя губы пересохли от злости. Мне не нужен истеричный ассистент с обмороком.

Снежана посмотрела на запотевшее стекло стакана, в котором искрились пузырьки газа, затем перевела взгляд на его самоуверенное, хищное лицо. След ее удара на его щеке стал темно-бордовым, придавая облику Радова еще более опасный, первобытный вид.

Внутри нее все взбунтовалось. Он издевался. Он праздновал триумф.

Вместо того чтобы взять стакан, Снежана резко вскинула ладонь и ударила снизу вверх по его запястью!

Стакан вылетел из пальцев Радова.

Ледяная вода фонтаном брызнула вверх, окатив воротник его белоснежной рубашки, залила брюки и рассыпалась мириадами капель по кожаному дивану и полированному дереву консоли. Хрусталь с глухим стуком упал на толстый коврик.

Машина в этот момент вылетела из туннеля паркинга на набережную, рассекая колесами ночные лужи.

В салоне повисло тяжелое, электрическое молчание.

Снежана замерла, сжимая кулаки. Вода попала и на ее платье, промочив воротник-стойку, но она не отводила пылающего взгляда.

Максим даже не моргнул.

Капли воды стекали по его подбородку, падали на вздымающуюся грудь, заставляя мокрую рубашку прилипать к рельефным мышцам.

Медленно, с неотвратимостью надвигающейся лавины, он повернулся к ней всем телом.

Его широкие ладони опустились на спинку дивана по обе стороны от ее головы, полностью заперев Снежану в ловушке его мощного торса. Он навис над ней, заставляя ее вжаться в кожаную обивку кресла.

Запах виски, кардамона, табака и мокрой мужской кожи обрушился на нее дурманящей волной.

Максим наклонился так близко, что их губы разделял всего один сантиметр. Снежана чувствовала сухой жар его дыхания, слышала каждый стук его бешено колотящегося сердца. Ее дыхание перехватило, зрачки расширились, заполняя почти всю радужку.

— Нервничаешь, девочка? — его голос прошелестел прямо над ее дрожащими, приоткрытыми губами.

Его правая рука медленно оторвалась от спинки кресла. Длинные горячие пальцы жестко легли под ее подбородок, заставляя запрокинуть голову и смотреть прямо в штормовую бездну его глаз.

— Правильно делаешь, — прошептал Радов, оглаживая большим пальцем нижнюю губу Снежаны, заставляя ее вспыхнуть от нестерпимого жара. — Ты думала, твоя колючая гордость отпугнет меня? Ты ошиблась, Снежана. Она лишь разжигает аппетит.

Он не поцеловал ее. Он задержал лицо в миллиметре от

ее губ, смакуя ее прерывистое, испуганное дыхание, наслаждаясь тем, как ее тело бьет мелкая, неуправляемая дрожь.

— Я сломаю твоё упрямство. Шаг за шагом. Я приучу тебя подчиняться моим приказам с полувзгляда. Но сначала... сначала я распробую твою гордость на вкус.

Он медленно убрал руку и откинулся на спинку сиденья, не сводя с нее темного, сытого взгляда.

Снежана судорожно втянула воздух в онемевшие легкие. Ее сердце колотилось где-то в горле, губы горели так, будто к ним прикоснулись раскаленным металлом.

Лимузин тем временем пронесся по набережной, поднялся на эстакаду и свернул на закрытое шоссе в сторону Воробьевых гор.

Спустя пятнадцать минут внедорожники кортежа притормозили перед гигантскими коваными чугунными воротами.

За ними, посреди векового парка, взмывали в небо гранитные башни элитного жилого комплекса «Атлант» — самого закрытого и неприступного анклава для миллиардеров столицы.

Охрана на КПП вытянулась во фронт. Ворота с тяжелым металлическим лязгом распахнулись и тут же сомкнулись за задним бампером Maybach, окончательно отрезая Снежану от внешнего мира.

Машина въехала в персональный подземный бокс. Водитель распахнул дверь.

— На выход, Белова, — приказал Радов, подавая ей руку.

Снежана проигнорировала его ладонь, выбравшись из салона самостоятельно. Ноги предательски подрагивали, но спина оставалась нестигаемой.

Максим усмехнулся, взял ее за локоть и подвел к зеркальной двери приватного лифта, поднимающего жильцов прямо на шестидесятый этаж.

Стремительный подъем длился меньше минуты.

Звякнул мелодичный сигнал. Двери лифта бесшумно разошлись в стороны.

Перед Снежаной открылось колоссальное двухуровневое пространство пентхауса. Десятиметровые потолки, камин из черного базальта с тлеющими углями, монументальная винтовая лестница из стекла и панорамные окна во всю стену, за которыми раскинулась сияющая бездна ночной Москвы.

Максим шагнул вперед, сбросил ключи на мраморную консоль у входа и обернулся к застывшей на пороге девушке.

На его лице играла торжествующая, хищная улыбка:

— Добро пожаловать в твою новую клетку, Белова. Посмотрим, сколько дней продержится твоя гордость.

Глава 5

Густой пар оседал на зеркальной стене ванной комнаты тяжелыми, ленивыми каплями, искажая отражение до неузнаваемости. Снежана с силой провела ребром ладони по запотевшему стеклу, стирая влажную пелену, и посмотрела в глаза собственному двойнику.

В серо-голубой радужке, похожей на замерзшую воду северного озера, не осталось и следа вчерашней растерянности.

сти. Только холодное, колючее пламя упрямства и затаенная глухая ярость.

Кожа на плечах и шее все еще горела после обжигающих струй душа. Снежана яростно пыталась смыть с себя липкий кошмар прошедших суток: унижительные слезы и заламывание рук матери на крошечной кухне в спальном районе, визгливые оправдания Полины, въевшийся в дешевые синтетические занавески запах чужих сигарет и этот чудовищный, давящий кабинет на сорок пятом этаже башни «Radov Tower».

Она до сих пор физически помнила низкий, вибрирующий баритон Максима Радова, от которого в солнечном сплетении скручивался тугой, болезненный узел: *«За эту пощечину ты будешь платить лично. Круглосуточно. В моем доме».*

Снежана туже затянула узел толстого махрового полотенца над высокой грудью. Белая хлопковая ткань жестко врезалась в ребра, удерживаясь буквально на честном слове. Влажные пепельно-русые пряди тяжелыми волнами падали на ключицы, оставляя на алебастровой коже тонкие блестящие дорожки.

Она толкнула массивную стеклянную дверь и шагнула в гостевую спальню.

И застыла на пороге, прикусив нижнюю губу от мгновенно вспыхнувшего бешенства.

Комната, еще час назад казавшаяся пустой и стериль-

ной, напоминала гардеробную закрытого миланского бутика. Посреди полированного молочного травертина выстроились два высоких латунных рейла на бесшумных прорезиненных колесах. Они буквально ломились от вешалок с дорогой одеждой: струящиеся шелковые рубашки пудровых и стальных оттенков, кашемировые свитеры молочного цвета, юбки из тончайшей перчаточной кожи, строгие костюмы ручной работы. На банкетке высилась пирамида коробок с обувью из мягкой кожи, а рядом лежали открытые бархатные футляры с тончайшим кружевным бельем — невесомым, полупрозрачным, откровенно порочным.

Возле рейлов сустились две женщины. Старшая, безупречно уложенная блондинка с сантиметровой лентой на шее и в строгом костюме, придирчиво осматривала швы на кремовом жакете. Младшая, девушка в белых трикотажных перчатках, аккуратно расправляла подол шелковой сорочки.

— Что это значит? — голос Снежаны прозвучал хрипло, резко разрезая шелест чехлов.

Блондинка вздрогнула, обернулась и тут же нацепила отрешенную, сладко-почтительную улыбку:

— Снежана Игоревна! Доброе утро. Простите за вторжение, служба безопасности открыла нам гостевое крыло полчаса назад. Я — Агния, ведущий стилист модного дома Радова. Максим Андреевич лично утвердил капсулу гардероба на неделю. Мы сняли мерки по записям камер наблюдения, лекала сидят безупречно. Вот этот брючный ансамбль из тон-

кой шерсти с добавлением шелка...

— Где мои вещи? — Снежана не сдвинулась с места ни на миллиметр. Пальцы побелели, намертво впившись в край полотенца на груди.

Агния запнулась, ее профессиональный столичный лоск треснул:

— Ваши... вчерашние вещи?

— Темно-синее шерстяное платье. Мое драповое пальто и туфли, в которых меня вчера силой привезли в этот склеп. Где они?

Стилистка виновато отвела глаза, нервно поправляя сантиметровую ленту на груди:

— Распоряжение господина Радова было предельно однозначным. Все предметы вашего прежнего гардероба отправлены в шахту термоутилизатора башни. Они сожжены. Максим Андреевич не терпит синтетики, дешевых красителей и посторонних запахов в жилом пространстве пентхауса. Вам предоставлен гардероб первой линии лучших европейских домов. Поверьте, это мечта любой...

Слова застряли у нее в горле, потому что Снежана сделала стремительный шаг вперед.

В ее серо-голубых глазах полыхнуло такое ледяное, яростное пламя, что юная помощница в перчатках испуганно отшатнулась к окну, задев плечом вешалку.

Сожгли. Они сожгли ее вещи. Единственное, что связывало ее с нормальной жизнью, с ее свободой и ее професси-

ей. Этот самовлюбленный деспот методично стирал ее саму, превращая в безымянную послушную куклу, купленную за чужие грехи.

— Вон, — тихо, но со свистящей силой произнесла Снежана.

— Снежана Игоревна, вы не понимаете, господин Радов приказал...

— Пошли. Вон. Отсюда!

Снежана рванулась к рейлу. Не обращая внимания на то, что полотенце опасно натянулось на мокром теле, она обеими руками вцепилась в вешалки. Треск разрываемой полиэтиленовой пленки, звон латунных крючков — и охапка дизайнерских блузок и кашемировых пуловеров стоимостью в миллионы рублей полетела на пол.

Снежана распахнула тяжелую дверь спальни настежь. Подхватив ногой упавшую коробку с туфлями, с размаху пнула ее в коридор. Обувь с глухим стуком покатилась по полированному травертину.

— Забирайте свои шелка! — задыхаясь от гнева, выкрикнула она в побелевшее лицо Агнии. — Забирайте свои тряпки, кружево и выметайтесь! Передайте вашему хозяину, что надеть на меня свой ошейник у него кишка тонка!

Ассистентка пискнула от ужаса. Агния, окончательно потеряв столичный снобизм, судорожно подбирала вешалки, пытаясь к выходу.

— Какое темпераментное, бодрящее утро, Белова.

Низкий, бархатный рокот разорвал тишину коридора.

Снежана замерла. Сердце споткнулось и заколотилось о ребра с утроенной силой, отдаваясь глухими ударами в висках.

В широком дверном проеме стоял Максим Радов.

Он только что поднялся из личного спортзала, расположенного на галерее второго уровня. Свободные темно-серые спортивные брюки низко сидели на узких бедрах, черная льняная рубашка с глубоко расстегнутым воротом открывала мощные ключицы, а рукава были небрежно закатаны до локтей. Предплечья — рельефные, литые, с выступающими темными венами — хранили следы недавней тяжелой нагрузки. Темные влажные волосы зачесаны назад.

Но главное — правая скула.

На загорелой коже под глазом четко проступал багровый продолговатый след. Отпечаток пяти тонких пальцев. След ее вчерашней пощечины, который не сошел даже за ночь.

Максим медленно перевел взгляд с раскиданной одежды на перепуганных женщин. Гранитные глаза сузились:

— Оставьте вещи. — Он указал на рейл; Агния тут же выпустила вешалки. — И на выход.

Стилистки испуганно выскользнули мимо плеча миллиардера в сторону служебного лифта. Щелкнули створки. В пентхаусе повисла мертвая, звенящая тишина.

Максим переступил через шелковый топ на пороге. Его тяжелые шаги по мрамору звучали неотвратимо, как бой ку-

рантов. Он вошел в спальню, не глядя протянул руку назад и захлопнул дверь.

Сухой металлический щелчок латунного замка прозвучал как выстрел в закрытом тире.

Снежана непроизвольно отступила назад. Босые ступни ощутили прохладу камня; подколенки уперлись в край широкой постели, застеленной серым сатином. Она вздернула подбородок, изо всех сил стараясь удержать дыхание ровным, но ткань полотенца на груди вздымалась частыми рывками.

Максим остановился в полуметре. Он был огромен, полностью заслоняя свет из панорамного окна, за которым шестидесятиэтажная Москва тонула в сизом утреннем тумане.

От него веяло обжигающим жаром тренированного тела, горьким табаком, кардамоном и ментоловым мылом. Этот запах забивал легкие, заставляя внутренности сжиматься в сладкой панике.

— Решила устроить забастовку в одном махровом полотенце, Снежана? — Он задержал взгляд на вышвырнутой в коридор обуви, затем снова посмотрел на нее. — Зрелище эстетичное, но непрактичное. На террасе всего двенадцать градусов.

— Вы сожгли мою одежду! — выплонула она, ненавидя собственную предательскую дрожь в пальцах. — Вы похитили меня, заперли, как рабыню, а теперь думаете, что бросите шелка под ноги, и я стану вилять хвостом?!

Радов наклонил голову набок. Губы тронула холодная хищная усмешка, от которой багровый след на скуле натянулся:

— Твои прежние вещи пахли дешевой прачечной и пылью спального района, Белова. Ты находишься в моем доме. Здесь действуют мои стандарты. Ты представляешь меня, даже если сидишь взаперти в гостевой спальне.

— Я не представляю вас! Я ненавижу вас! Слышите? Каждую секунду, каждое ваше слово, ваше присутствие!

Максим не шелохнулся. Не мигая, его гранитный взгляд скользнул от ее пылающих щек к влажным завиткам на плечах, задержался на пульсирующей жилке на шее и опустился ниже.

Туда, где узел толстого махрового полотенца над грудью начал медленно, предательски сползать под собственной тяжестью.

Белая ткань опустилась на пару сантиметров, приоткрывая алебастровую ложбинку и крутой подъем высокой девичьей груди. Кожа Снежаны покрылась мелкими мурашками от прохладного воздуха.

Она попыталась перехватить узел, но Максим оказался быстрее.

Его широкая горячая ладонь метнулась вперед, перехватив ее тонкое запястье прямо в воздухе и железной хваткой отведя руку в сторону.

Снежана задохнулась. Кожа под его пальцами вспыхнула

чистым пламенем.

— Пустите...

Второй рукой Максим медленно коснулся влажной пряди у ее виска. Подушечка пальца заправила локон за ухо, обжигая мочку, скользнула по челюсти и легла на горло, прямо на судорожно бьющийся пульс.

Его пальцы пахли кожей и металлом тренажеров. Жар его тела выжигал остатки кислорода.

— Ты слишком много кричишь, строптивая, — прошептал Максим, склоняясь к ее лицу так близко, что дыхание омывало ее приоткрытые губы. — Правило номер один в этом доме: ты носишь то, что подчеркивает твой статус рядом со мной. У тебя ровно два пути, Снежана.

Его глаза потемнели, зрачки расширились почти на всю радужку:

— Путь первый: ты сама поднимаешь с пола то, что соизволишь надеть к завтраку. Путь второй: полотенце падает на этот ковер прямо сейчас. И тогда я лично одену тебя своими руками. От кружевных чулок до последней пуговицы на спине. Я осмотрю каждый сантиметр твоего тела, Белова. Каждый изгиб, каждую родинку. И сделаю это с огромным удовольствием.

Снежана смотрела в его звериные глаза и понимала: он не шутит. Этот человек никогда не отступает. Если она скажет «нет», он сорвет полотенце и сделает именно это. А ее собственное тело дрожало от какого-то темного, запретного

электричества, пугавшего до тошноты.

— Вы чудовище, Радов, — прошипела она сквозь стиснутые зубы.

— Я в курсе, — губы его дрогнули в миллиметре от ее рта, обдавая жаром. — Считаю до трех, птичка. Раз...

Снежана с яростной силой дернула запястье, вырывая руку из его захвата. Круто развернулась, придерживая полотенце локтем, выскочила в коридор и опустилась на колени на холодный травертин.

Пальцы лихорадочно нашарили на полу длинное закрытое платье-футляр из плотного шелкового крепа. Цвет мокрого асфальта — глухой, стальной, в тон глаз стоящего за спиной хищника. Длинные рукава, воротник под самое горло, ледяная ткань, не оставляющая телу ни сантиметра уязвимости.

Снежана сжала ткань в кулаках, поднялась и, не глядя на Радова, метнулась обратно в ванную комнату.

Дверь захлопнулась с глухим звоном триплекса.

Она прижалась спиной к стеклу и прерывисто выдохнула. Сердце колотилось в горле, а на шее все еще горел след от его пальцев.

Первый раунд остался за ним. Но война только начиналась.

Глава 6

Винтовая лестница из матового стекла вела на нижний ярус пентхауса. Снежана спускалась медленно, выпрямив спину так, словно к ее позвоночнику привязали стальной штырь.

Шелковый креп стального платья приятно охлаждал кожу, струясь вокруг бедер и обрисовывая талию при каждом шаге. Высокий ворот-стойка надежно прятал шею, создавая иллюзию непробиваемой брони. Пепельно-русые волосы Снежана заплела в тугий жгут и закрепила шпильками — ни один локон не должен был выдать внутреннюю бурю.

Первый ярус пентхауса ошеломлял масштабом. Пространство кухни-гостиной шириной в двадцать метров казалось парящим над пропастью. Сплошное панорамное остекление открывало головокружительный вид: далеко внизу лентами вился Кутузовский проспект, Москва-река серебрилась в лучах утреннего солнца, а прямо по курсу взмывали в небо стеклянные иглы Сити.

Посреди открытой кухни доминировал остров из монолитного белого кварцита длиной пять метров.

За островом, на высоком барном стуле из коньячной кожи, сидел Максим Радов.

Он сменил спортивную одежду на безупречную графитовую сорочку тончайшего итальянского хлопка и темные шерстяные брюки. Рукава были закатаны до середины мускулистых предплечий. Перед ним стоял тонкий матовый ноутбук, по экрану которого непрерывной лентой бежали биржевые графики и финансовые отчеты. В широкой ладони он держал массивную фарфоровую кружку с черным кофе.

Рядом у плиты бесшумно двигался повар в кипенно-бе-

лом ките. На кухонном острове уже стояли накрытые серебряными клошами тарелки, вазочка со свежей малиной и ежевикой, хрустящие круассаны на салфетке и высокий бокал с грейпфрутовым фрешем.

Воздух был напоен ароматом свежемолотой арабики, топленого масла, печеного шпината и дорогих сигар.

Снежана подошла к острову. Обойдя его кругом, опустилась на дальний барный стул — в трех метрах от Радова, на противоположном конце белоснежной кварцитовой плиты.

Села, расправила подол платья и демонстративно скрестила руки на груди.

Повар ловко снял серебряный клош с ее тарелки и с поклоном отступил. На фарфоре Villeroy & Boch благоухал пышный омлет с молодым шпинатом, сыром бри и вялеными томатами.

Снежана даже не взглянула на еду. Ее взгляд был прикован к панораме за окном.

Максим не поворачивал головы. Его пальцы продолжали быстро, скупно бить по клавишам. Лишь угол рта дрогнул, когда Снежана демонстративно отвернулась к стеклу.

— Омлет остывает, Белова, — негромко произнес он, не отрывая взгляда от биржевой сводки. — В моем доме повара не выбрасывают продукты в мусор.

— Пусть ваш повар съест его сам, — холодно парировала Снежана. — Я не голодна.

— Ты не ела со вчерашнего полудня. Твоя бледность пе-

реходит границы приличия.

— Какая трогательная забота о пленнице. Но я повторяю: я не стану есть ваши подачки.

Максим нажал клавишу ввода и плавно повернул голову. Гранитные глаза окинули ее с ног до головы. Взгляд задержался на глухом вороте платья и плотно сжатых губах. На правой скуле след вчерашнего удара по-прежнему отчетливо темнел, придавая его породистому лицу опасный, хищный вид.

— Это платье идет тебе куда больше махрового полотенца. — Он задержал чашку у губ, разглядывая выбранный ею глухой ворот. — Сталь оттеняет цвет твоих глаз. Ты выглядишь собранно. Это похвально.

— Хватит светского фарса, Радов! — Снежана повернулась к нему, опершись ладонями о ледяной кварцит. — Я нахожусь здесь не по своей воле. Вы объявили, что я отрабатываю долг сестры под вашим круглосуточным надзором. Прекрасно. Если это работа — где мой трудовой договор? Где должностная инструкция?

Максим чуть приподнял бровь:

— Трудовой договор?

— Именно. Я профессиональный дизайнер жилых и общественных пространств, у меня диплом с отличием и три года успешной частной практики. Я умею проектировать входные группы и вести авторский надзор. Я готова сидеть за чертежами по четырнадцать часов в сутки. Оцените сто-

имость часа моей работы по рыночному тарифу, составьте график платежей за разбитый хронометр и вычитайте из зарплаты! Но я требую официального статуса. Я не комнатная собачка, которую кормят за послушание!

В гостиной повисла гнетущая тишина. Повар у кофейного аппарата побледнел и бесшумно испарился через служебную дверь технического коридора.

Максим медленно поставил чашку на блюдце. Затем протянул руку и с металлическим хлопком захлопнул крышку титанового ноутбука.

Он поднялся. Рост в сто девяносто сантиметров и литые плечи делали движение сокрушительным. Максим не спеша взял со стола свою тарелку с омлетом и серебряную вилку.

Его шаги вдоль кухонного острова были размеренными, тяжелыми, неотвратимыми.

Снежана вжалась в спинку стула, но заставила себя не отводить глаз. Она не побежит. Ни за что на свете.

Радов обошел остров и остановился вплотную за ее правым плечом. От него пахло жаром тела, виски и горьким кардамоном. Он придвинул свою тарелку к ее нетронутой, почти касаясь бедром ее предплечья.

— Ты удивительно наивна для девочки из спального района, Снежана, — его голос понизился до бархатного полусшепота над самым ее ухом. — Ты всерьез думаешь, что твоя сестра сидит под арестом из-за разбитых антикварных часов?

Снежана замерла:

— Что вы имеете в виду? Экспертиза оценила морской хронометр в пятнадцать миллионов...

— К черту часы! — оборвал он жестко, и в голосе лязгнула бронебойная сталь. — Пятнадцать миллионов для холдинга — это суточные представительские расходы. Твоя сестра Полина в ночь дежурства впустила в мой кабинет постороннего человека. Она отключила сигнализацию и стояла рядом, пока он выгружал данные по проекту «Северная Ривьера». Ты сама видела запись. Шестьдесят миллиардов рублей — стоимость первой очереди. Коммерческая тайна, Белова. Следователь будет выяснять, что именно она знала.

У Снежаны похолодели кончики пальцев. Воздух застрял в горле колючим комом.

— Полина... она не могла. Она просто глупая, легкомысленная девчонка...

— Твоя девчонка поставила под удар крупнейший контракт десятилетия, — Максим наклонился ниже, упираясь ладонью в столешницу перед ней и запирая ее в угол между своим телом и камнем. — Папка с материалами расследования, видеозаписи с четырех камер и подписанное заявление в Следственный комитет лежат в сейфе Глеба Громова. Достаточно одного телефонного звонка. Через сорок минут у вашей хрущевки появятся оперативники в масках. Сестру выведут в наручниках на глазах у всех соседей. А мать с ее большим сердцем уедет на «скорой» с обширным инфарк-

том.

— Вы блефуете... — пересохшими губами выдавила Снежана, чувствуя, как перед глазами темнеет.

— Я никогда не блефую в вопросах бизнеса, Белова. И я никогда не прощаю предательства.

Максим взял серебряную вилку. Точным движением отделил аккуратный кусочек пышного омлета, пропитанного сыром бри и зеленью, и поднес прямо к ее губам.

Расстояние между сталью прибора и ее ртом составляло меньше сантиметра. Снежана чувствовала горячий пар, видела волоски на его мускулистом запястье и твердые, не знающие пощады пальцы.

— Открой рот, Снежана, — приказал он. В голосе не было ярости, только абсолютная мужская власть. — Ты будешь есть. Мне не нужна истощенная девица в голодном обмороке. Либо ты открываешь губы прямо сейчас, либо я отдаю команду Громову. Твоя гордость против свободы сестры и жизни матери. Выбирай.

Снежана сжала челюсти так, что зубы скрипнули. В груди все клокотало от бессильной ненависти. Она хотела выбить вилку из его рук, хотела вонзить ногти в его багровую скулу.

Но перед глазами стояло лицо матери на коленях в коридоре и хрупкие плечи Полины.

Она проиграла. Снова.

Снежана медленно, преодолевая сопротивление каждой окаменевшей мышцы лица, приоткрыла губы.

Максим плавно вложил кусочек омлета ей в рот.

Горячий сыр обжег язык, пряный шпинат разлился по небу. Она не ощущала вкуса — это был чистый привкус унижения и пепла. Снежана сглотнула пищу, не сводя с него взгляда, полного ледяного презрения.

— Довольны, господин Радов? Ваш звериный аппетит к пыткам удовлетворен?

Максим не ответил сразу. Его лицо оставалось непроницаемой маской, но в глубине серых глаз вспыхнула искра мрачного триумфа и ненасытного восхищения.

Он медленно поднял руку.

Подушечка его большого пальца легла на уголок ее нижней губы, мягко, почти нежно стирая каплю сыра. Это прикосновение — обжигающее, неспешное, невероятно интимное — парализовало Снежану. По ее шее и позвоночнику прокатилась горячая судорожная волна.

— Умница, — тихо произнес он, и его палец скользнул по контуру ее нижней губы. — Ты учишься быстрее, чем я ждал. Теперь съешь все сама. До последней крошки. И выпей сок.

Он выпрямился, вернув ей воздух и личное пространство.

Максим подошел к креслу, снял кашемировое пальто, взял кожаную папку с документами и выключил ноутбук.

— Я уезжаю на выездное совещание градостроительной комиссии в Южный порт, затем на встречу с инвесторами. Вернусь к пяти часам вечера.

Снежана схватилась за край кварцитового острова:

— А я? Что прикажете делать мне?

Максим обернулся у выхода в лифтовый холл:

— Твой планшет лежит в спальне. Локальная сеть содержит чертежи входных групп башни «Орион» — раз уж ты так рвалась работать, сделай анализ эргономики первого этажа. Выхода из пентхауса нет: лифт заблокирован на биометрию моих отпечатков, пожарная лестница на круглосуточном посту охраны. Не делай глупостей, Снежана. Мое терпение не безгранично.

Дверь лифтового холла закрылась за ним с мягким магнитным щелчком.

Снежана осталась одна над бездной города. Она посмотрела на тарелку с омлетом, сжала пальцы в кулаки до побелевших костяшек и медленно взяла вилку.

Она выживет. Она поест, наберется сил и найдет способ разрушить эту клетку изнутри.

Глава 7

К полудню солнце окончательно разогнало утреннюю хмарь, залив пентхаус ослепительным, холодным светом.

Снежана провела три часа за выданным планшетом. Экран с высоким разрешением послушно откликался на стилус, открывая архитектурные развертки башни «Орион». Профессиональная привычка взяла верх: Снежана быстро набросала десяток критических правок по зонированию холлов, выделив ошибки в распределении потоков посетителей. Ее мозг требовал сложной логической работы, чтобы не сойти с ума от тишины и бессилия.

Но стоило попытаться свернуть проектную программу и открыть браузер, как на экране всплыла серая заглушка: *«Доступ к внешним узлам сети ограничен администратором домена»*. Попытка отправить сообщение через локальный мессенджер привела к аналогичной блокировке — список контактов содержал лишь один пункт: «Приемная генерального директора (внутр. 01)».

Снежана с глухим стуком бросила стилус на стеклянный столик.

Ее держали в информационном вакууме. Максим Радов контролировал воздух, которым она дышала, еду, которую она глотала, и сведения, которые поступали в ее мозг. Но слова титана за утренним завтраком продолжали пульсиро-

вать в висках раскаленной иглой: *«Твоя сестра впустила чужака... отключила сигнализацию кабинета... статья о промышленном шпионаже»*.

Запись подтверждала поступок Полины, но Радов один решал, какую часть правды показать. Снежане нужны были документы о самом Дэне — и о том, как его связали с Вороновым. Без них она оставалась слепым заложником в руках человека, способного стереть ее семью в порошок одним росчерком пера.

Она бесшумно поднялась с дивана. На ногах были мягкие домашние туфли из серой замши без каблука — единственная пара обуви из утреннего рейла, которую она сочла пригодной для бесшумного перемещения.

Снежана вышла в коридор первого яруса. Горничная закончила протирать мрамор на террасе еще час назад и удалась на служебном лифте. В пентхаусе царило мертвое безмолвие.

В дальнем конце восточной галереи располагались массивные двустворчатые двери из мореного дуба с матовыми латунными ручками. Рабочий кабинет Радова.

Снежана подошла к дверям, задержав дыхание. Сердце колотилось о ребра, как отбойный молоток. Она протянула ладонь и коснулась полированного металла ручки. Если дверь заперта на биометрический замок, тревога взвояет прямо сейчас...

Щелк.

Тяжелая дубовая створка плавно, без единого скрипа, подалась внутрь.

Снежана быстро скользнула в проем и прикрыла дверь за собой, оставив узкую щель.

Кабинет Максима Радова был гигантским — не меньше ста квадратных метров. Здесь не было показной роскоши: стены обшиты темными панелями из ореха, строгие стеллажи от пола до потолка заполнены строительными справочниками, кодексами и макетами небоскребов из матового акрила. Воздух пах выдержанным табаком, полированным деревом и старой бумагой.

В центре помещения возвышался монументальный Т-образный рабочий стол из цельного спила мореного дуба весом не меньше полутонны.

Снежана подошла к столу. На темной матовой поверхности царил педантичный, хирургический порядок: ультрабук, подставка из черного обсидиана с тремя перьевыми ручками, тяжелое бронзовое пресс-папье в форме спящего льва и кнопочный пульт управления охранными системами.

Она обошла стол и встала на место хозяина.

Нижняя тумба стола содержала три массивных выдвижных ящика. Два верхних открылись легко — там лежали чистые бланки с водяными знаками холдинга, запасные ежедневники в кожаных переплетах и коробка кубинских сигар Cohiba.

Нижний ящик был заперт на механический ключевой за-

мок Каба с узкой скважиной под плоский ключ.

Снежана извлекла из кармана шелкового платья тонкую стальную шпильку для волос и складную металлическую пилочку с узким концом, которую прихватила из ванной комнаты. Годы студенческой жизни в общежитии и бесконечные переделки замков на съемных квартирах давали о себе знать.

Она опустилаcь на колени перед ящиком. Пальцы слегка подрагивали, но стоило ввести шпильку в скважину и аккуратно нажать пилочкой на личинку, как механическая память взяла верх.

Легкий нажим. Поворот сердечника по часовой стрелке. Щелк!

Замок поддался с тихим металлическим вздохом.

Снежана потянула ручку на себя. Внутри ящика аккуратной стопкой лежали четыре папки из плотного серого картона с красными полосами грифов секретности.

Ее взгляд мгновенно зацепился за верхнюю папку. На тисненой наклейке чернела надпись: «СБ "Radov Group". Дело № 44-Б. Объект: "Воронов Капитал". Операция: Перехват концессии "Северная Ривьера"».

Снежана вытащила папку, положила ее на стол и дрожащими пальцами раскрыла картонную обложку.

Перед ее глазами предстали распечатки оперативных сводок, детализация телефонных звонков и цветные фотографии слежки.

На четвертой странице ее дыхание перехватило. У края

листа стояла пометка: «Копии отчета и приложений — Backup-02».

С цветного снимка, сделанного в полутьме ночного клуба «Monolith», улыбался смазливый брюнет в дорогой кожаной куртке с броским дизайнерским принтом. Одной рукой он обнимал за талию смеющуюся, явно нетрезвую девушку.

Этой девушкой была Полина.

Под снимком чернел машинописный текст аналитической справки: *«Кирилл Самойлов, 1996 г.р., позывной "Скат". Штатный специалист службы безопасности инвестиционного фонда "Воронов Капитал" по вербовке персонала конкурентов. Вошел в доверие к Беловой П.И. 13 сентября. 20 сентября под предлогом "романтического свидания на крыше" убедил предоставить пропуск в центральный офис и служебный ключ от приемной Радова М.А. Цель операции: установка аппаратного кейлоггера и выгрузка криптографических ключей шифрования сервера концессии. В ходе выгрузки сработала защита терминала. При бегстве Самойлов опрокинул хронометр Patek Philippe и скрылся через аварийный выход».*

Буквы двоились перед глазами Снежаны.

Горькая, удушающая волна осознания накрыла ее с головой.

Полина была не просто глупой, эгоистичной девчонкой. Ее хладнокровно использовали как слепую отмычку профессиональные корпоративные хищники! Артур Воронов, за-

клятый враг Радова, вел охоту на миллиардный проект, а ее сестра стала расходным материалом в их войне за ресурсы.

И самое главное: Максим Радов знал об этом с самого начала!

Документ называл и вербовщика, и заказчика. Радов вчера сам говорил об этом, но прятал от нее выводы своей службы безопасности. Вместо того чтобы передать материалы следствию и помочь найти вербовщика, Радов использовал преступление против Снежаны! Намеренно запугал мать тюрьмой, чтобы сломать гордость старшей сестры и затащить ее в свой пентхаус!

— Мерзавец... — прошептала Снежана, и в ее голосе звенели слезы ледяной ярости. — Расчетливый, бессердечный мерзавец...

В прозрачном кармашке на внутреннем развороте папки блеснул металл.

Там лежала плоская серебристая флешка с лазерной гравировкой на корпусе: «*Vaskir-02. Тендерная документация*».

В голове мгновенно вспыхнула мысль, четкая и холодная, как удар колокола.

Если эти файлы окажутся у нее, если она сохранит копию оперативного отчета и данных о Самойлове — у нее появится щит. Настоящее оружие против обоих титанов. Радов больше не сможет шантажировать ее тюрьмой для сестры, потому что адвокат получит доказательства роли людей Во-

ронова, а не только обвинения в адрес Полины!

Снежана протянула руку к рабочему терминалу Радова на столе. Экран монитора мягко вспыхнул голубым светом, требуя пароля. Сбоку от клавиатуры темнел разъем защищенного порта.

Снежана повернула накопитель маркировкой вверх. Ей требовалось проверить, есть ли на нем отчет; она вставила его в разъем прежде, чем успела передумать.

В ту же секунду тишину кабинета разорвал пронзительный, визгливый вой электронного зуммера!

Экран терминала мгновенно залило алым светом. По

диагонали монитора замелькали крупные буквы: «ВНИМАНИЕ! ЗАФИКСИРОВАН НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЙ ДОСТУП К КРИПТОГРАФИЧЕСКОМУ ПОРТУ. АКТИВИРОВАН ПРОТОКОЛ "ЩИТ". СИСТЕМА ПЕРИМЕТРА ЗАБЛОКИРОВАНА. УВЕДОМЛЕНИЕ НАПРАВЛЕНО НАЧАЛЬНИКУ СБ».

Сердце Снежаны рухнуло в ледяную пустоту.

Ловушка! Подключение постороннего накопителя запустило тревогу!

Она рванула флешку из разъема, сжимая холодный металл в кулаке. Захлопнула картонную папку, швырнула ее обратно в ящик стола и с силой задвинула массивную панель до металлического щелчка замка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.